

Литрес ≡ Классика

Эдгар По

ЧЕРНЫЙ КОТ

Эдгар Аллан По

Черный кот

«ЛитРес»

По Э.

Черный кот / Э. По — «ЛитРес»,

Рассказчик, некогда добрый и любящий животных человек, под влиянием алкоголя начинает испытывать приступы необъяснимой злобы. Его домашний любимец — чёрный кот — становится объектом внезапной и нарастающей жестокости. Это мрачная история о том, как внутренние демоны способны разрушить человека и привести к самым страшным последствиям.

Эдгар Алан По Чёрный кот

Я не ожидаю и не ишу, чтобы кто-нибудь верил моему рассказу, в высшей степени странному, но вместе с тем очень простому. Да, я был бы сумасшедшим, если бы ожидал этого; мои собственные чувства отказываются верить самим себе. Но завтра я умру, и мне хочется облегчить свою душу. Моя ближайшая цель состоит в том, чтобы рассказать миру – просто, коротко и без толкований – ряд простых домашних событий. Эти события в своих последствиях ужасали, мучили и, наконец, погубили меня. Но я не буду делать попытки объяснить их. Для меня они не представляли почти ничего кроме ужаса, для многих же они вовсе не покажутся страшными. Может быть, впоследствии найдется какой-нибудь ум более спокойный, более логический и гораздо менее моего склонный к возбуждению. Он низведет мои призраки на степень самой обыкновенной вещи и в обстоятельствах, о которых я не могу говорить без ужаса, увидит не более, как обыкновенный результат очень естественных действий и причин.

С детства я отличался уступчивостью и человечностью характера. Нежность моего сердца доходила до того, что сделала меня предметом насмешек со стороны моих товарищей. Я в особенности любил животных, и мои родители много их мне надарили. С ними я проводил боль-

шую часть времени, и высшим счастьем для меня было – кормить и ласкать их. Эта особенность моего характера росла вместе со мною и в годах мужества служила для меня одним из главных источников удовольствия. Свойство и силу наслаждения, происходящего от подобных причин, едва ли нужно объяснять тем, которые питали когда-нибудь нежную привязанность к верной и умной собаке. В бескорыстной и самоотверженной любви животного есть что-то действующее прямо на сердце того, кто имел частые случаи наблюдать жалкую дружбу и летучую, как пух, верность человека.

Я женился рано и был очень рад, найдя в моей жене наклонности, сходные с моими собственными. Заметив мою страсть к домашним животным, она при всяком удобном случае приобретала их, выбирая самых лучших. У нас были птицы, золотые рыбки, отличная собака, кролики, маленькая обезьяна и кот.

Этот кот был необыкновенно велик и красив, – совершенно черный кот, – и смышлен он был до изумительной степени. Говоря о его уме, моя несколько суеверная жена часто упоминала о старинном народном поверье, по которому все черные кошки – оборотившиеся ведьмы. Впрочем, она говорила это в шутку, и я упоминаю об этом обстоятельстве только потому, что именно теперь оно пришло мне на память.

Плутон – так звали кота – был самым любимым моим фаворитом. Никто кроме меня не кормил его, и в доме он сопровождал меня всюду. Мне стоило даже большого труда отгонять его, когда ему приходила фантазия сопровождать меня по улицам.

Наша дружба продолжалась таким образом несколько лет, в течение которых мои наклонности и характер, вследствие невоздержной жизни (стыжусь признаться в этом), потерпели радикальное изменение к худшему. Я становился с каждым днем угрюмее, раздражительнее, невнимательнее к чувствам других. Я позволял себе говорить дерзости жене, наконец, покусился даже на насильственные поступки против нее. Разумеется, и мои любимцы должны были почувствовать происшедшую во мне перемену. Я не только не обращал на них внимания, но и дурно обходился с ними. Однако же к Плутону я сохранял еще некоторое уважение. Оно удерживало меня от дурного обращения с ним, между тем как я нисколько не церемонился с кроликами, обезьяною и собакой, когда они попадались мне под руку случайно или по привязанности ко мне. Болезнь моя усиливалась, а какая другая болезнь может сравниться с пьянством? Наконец даже Плутон, который сам начинал стареть и, следовательно, делаться несколько брюзгливым, стал испытывать последствия моего дурного расположения духа.

Однажды ночью, когда я воротился домой сильно пьяный из одного часто посещаемого мною притона, мне вообразилось, что кот избегает моего присутствия. Я схватил его. В испуге он укусил мне руку, и мною вдруг овладело демонское бешенство. Я уж не помнил себя.казалось, прежняя душа вдруг оставила мое тело, и каждая фибра во мне задрожала от дьявольской злобы, подстрекаемой джином. Я достал из жилетного кармана перочинный ножик, открыл его, схватил несчастное животное за горло и медленно вырезал у него один глаз! Я краснею, горю и дрожу при рассказе об этой ужасной жестокости...

Когда с наступлением утра рассудок воротился ко мне, когда продолжительный сон прогнал пары ночной попойки, я вспомнил о сделанном мною преступлении и почувствовал отчасти ужас, отчасти угрызение совести. Но это было слабое и двусмысленное чувство; душа оставалась нетронутую. Я опять предался излишествам и скоро потопил в вине всякое воспоминание о моем поступке.

Между тем, кот мало-помалу выздоровел. Правда, впадина вырезанного глаза представляла страшный вид, но Плутон по-видимому уже не чувствовал никакой боли. Он ходил в доме по-прежнему, только – как и должно было ожидать – убежал в страшном испуге при моем приближении. Во мне осталось еще настолько прежних свойств, что я сначала огорчился этим явным ко мне отвращением со стороны животного, которое когда-то было так привязано ко мне. Но скоро это чувство сменилось раздражением. Тогда, на мою окончательную и невоз-

вратную гибель, во мне родился дух упорства. Философия ничего не говорит об этой склонности. Но я убежден, столько же убежден, как, например, в существовании души, что упорство есть одно из первоначальных побуждений человеческого сердца, одна из нераздельных, основных способностей или чувствований, которые дают направление характеру человека. Кто не делал низостей или глупостей по той единственной причине, что не должен был их делать? Разве нет в нас постоянной страстишки – вопреки доводам здравого смысла, нарушать закон единственно потому, что это закон? Дух упорства, говорю я, явился во мне для моей окончательной гибели. Это непостижимое желание души мучить самое себя, насиловать собственную природу, делать зло ради зла, побуждало меня продолжать и, наконец, довершить мои жестокости относительно невинного животного. Однажды утром я хладнокровно набросил петлю ему на шею и повесил его на дереве. Повесил – несмотря на то, что слезы текли у меня из глаз; повесил – потому что знал прежнюю любовь его ко мне и чувствовал, что он не подал мне ни малейшего повода к жестокости; повесил – потому что сознавал в моем поступке грех, низвергающий мою бессмертную душу в ту бездну, до которой, если только это возможно, не достигает бесконечная благодать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.